



СИМОНА ВИЛАР

**СВЕТЛАДА
МЕДОВА**

 **ИЗДАТЕЛЬСТВО**
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
В44

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Владимир Дудкин*

ISBN 978-966-14-1589-7 (pdf)

© Гавриленко Н., 2008
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2008, 2011
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2008





ГЛАВА 1

899 год

Два одомашненных лося были впряжены один за другим в санный возок и ходко бежали по тропе, выходящей среди сугробов. Молодой мерянин¹ Кима правил ими, привалившись к накрытым рогожей кадкам с липовым медом. Он пел, пел весело и довольно обо всем, что видел вокруг:

Лес в снегу, а я все еду.
Вокруг елки — высокие красавицы.
Их снежные лапы свисают над дорогой.
Я еду быстро-быстро,
А везут меня сильные лоси,
И им нетяжело везти меня с моим медом.

Мерянин Кима вез дань от селения бортников в град Ростов, располагавшийся на берегу озера Неро. Выхал он поутру в погожий снежный день на исходе зимы и вез как общинный мед — положенную дань, — так и пару своих кадок — но уже на продажу. Оттого настроение у Кимы было преотличное. И как не радоваться жизни в такой светлый день, когда свежавыпавший снег блестит, когда ветра нет, сани просто летят, а от бегущих разгоряченных лосей валит пар.

¹ Мерянин — представитель древнего финно-угорского племени меря.



Кима улыбался. Лицо молодого мерянина разругалось от легкого морозца, на белесые брови из-под меховой шапки упала светлая прядь, а серые, чуть раскосые глаза задорно блестели. У него были широкие, как у большинства мерян, скулы, а вот нос — уточкой, славянский.

Санная дорога пролегла между сугробами, но по мере приближения к заледенелой ленте реки делала резкий поворот, и отсюда, с пригорка, вид на заснеженную реку открывался во всю ширь. Кима сначала немного сдержал бег лосей, чтобы те ненароком не опрокинули возок при повороте, а потом и вовсе натянул вожжи, останавливаясь. Ибо на другом берегу реки он неожиданно увидел одинокого путника на лыжах.

Будь Кима без поклажи, случайный встречный его бы не взволновал, но теперь, когда он вез товар, встреча с незнакомцем могла сулить что угодно. Однако тот был еще далеко, и Кима только смотрел, как лыжник пригнулся, лихо скатился по заснеженному склону, перескочил через холм и прыжком выехал на лед, быстро развернувшись, — только снег из-под лыж полетел.

«Ишь ловкач», — подумал мерянин, сдвигая на затылок свой волчий треух. Лыжник тоже его заметил, помахал рукой. Жест был приветный, но все одно на пути к Ростову можно было встретить и лихих людей, поэтому Кима потянулся к лежавшей за спиной рогатине. И тут рядом неожиданно прозвучало:

— Тсс! Рогатину-то оставь!

От неожиданности мерянин даже икнул, а потом лишь глядел на возникшего из-под лап заснеженной ели второго незнакомца. Тот появился бесшумно, только снег осыпался с еловых веток. Лыжник был вооружен луком с наложенной на тетиву стрелой, и стрела эта смотрела в аккурат на Киму.



— Говорю же, не бери. Но и не страшись. Зла тебе не сделаем.

Хорошо так говорить — «зла не сделаем». А отчего ж тогда разделились? Отчего, пока первый путник отвлекал Киму своими скачками по склону, другой притаился под еловыми лапами у дороги, да еще с оружием? Мерянин покосился на покрытые снегом заросли, ожидая, что вот-вот появится еще кто-нибудь из татей¹. Но не появились. Однако и этот с луком смотрелся опасно: плечистый, в рысьем полушубке, перетянутом ремнем, из-за плеча выглядывает рукоять меча, а само лицо незнакомца хоть и молодое, но строгое: темные брови нахмурены под куньим мехом шапки, а синие глаза смотрят с недобрый прищуром. Ну и стрела на тетиве. Так добрые люди к путникам не подступают. Потому-то Кима и был напряжен, а рука в варежке все равно медленно подбиралась к рогатине, которая совсем рядом была — взять бы в захват и... Но синеглазый тать движение мерянина заметил, укоризненно поцокал языком, даже головой покачал, осуждая. Ах, леший его возьми!

Тем временем первый лыжник уже перебежал заледенелую реку, скоро вскарабкался по подъему, опираясь на лыжные палки. Поглядел на замершего Киму и опасного лесного лучника, а потом... неожиданно рассмеялся.

— Как погляжу, ты совсем напугал парня. Зачем? Мы бы и так столковались с ним. Верно говорю? — И улыбнулся приветливо. — Да пребудет с тобой милость богов, человек добрый!

А Кима только смотрел, моргая белесыми ресницами. Надо же — баба! Даже не баба — девка молодая. И такая ладная! Мерянин, очарованный, заулыбался. Вот это краса! Из-под рыжей лисьей шапки на плечи незнакомки спадали

¹ Тать — преступник; *здесь*: грабитель с большой дороги.

длинные золотистые косы, укороченная шубка на тонком стане была перетянута ремнем, стеганные штаны заправлены в рыжие меховые онучи. А личико у девушки яркое и ясное, как солнышко: румяные щечки, пухлые яркие губы, длинные ресницы и темные брови взлет. А глаза...

Кима был простым парнем, вот и сказал первое, что пришло на ум:

— Глаза-то у тебя... Чисто медовые!

Так и глядел на нее, глуповато улыбаясь, а девушка зашлась звонким веселым смехом. Отсмеявшись, к своему спутнику обратилась:

— Вот видишь, Стрелок, он славный парень. И не откажется подвезти нас до Ростова. Ведь не откажешься?

Кима не сразу сообразил, что разговор ведется по-славянски. Ну да это не главное. Главное он уже уяснил: негданная встреча ничего плохого не сулит.

Тот, кого звали Стрелком, снял лыжи, плюхнулся боком в сани подле кадок с медом и сказал:

— Для мерянина ты уж больно бойко говоришь на языке почитающих Перуна¹. Мы-то опасались, что едва сможем с мерянами знаками объясниться.

— Зря опасались, — причмокивая и вновь погоня лосей, ответил Кима. — Словене² уже давно в нашем краю живут, вот мы и выучились их разговору.

Меж тем красавица бросила на Киму задорный взгляд, от которого молодой мерянин вообще разомлел, даже забыл покрикивать на лосей, перешедших на тряскую рысь под новым грузом. И казалось парню, будто от попутчицы свет исходит — так ясно и хорошо вдруг на душе сделалось. Девушка сидела почти рядом, он видел ее тонкий профиль,

¹ Перун — бог-громовержец, податель грозы, а также воинской удачи; главное божество в древнерусском языческом пантеоне.

² Словене — древнеславянское племя.

темные длинные ресницы, переброшенные на грудь золотые косы.

— Так вам до Ростова? — осмелился он начать разговор. Ответил Стрелок:

— Нам путь до вашего большака в племени голядь¹ подсказали, сообщив, что тут мы найдем у кого спросить, как дальше двигаться и кто может подвезти. Вот нам с тобой и повезло. Лоси у тебя сильные, да и язык наш знаешь.

Кима стал пояснять:

— Мать моя мерянского племени, а отец... О, мой батя словенин, Нечаем зовут, и родом он новгородец. Хотя после того как князь Олег Вещий посадил своих людей в граде Ростове, батя мой, пожалуй, в Новгороде ни разу не бывал. Местным стал. И не последним человеком, замечу. Гривну² воеводы носит.

Кима отвлекся, натягивая поводья там, где дорога делала поворот вдоль изгиба реки, и не видел, какими взглядами обменялись негаданные попутчики. Потом Стрелок придвинулся и осторожно спросил:

— А князь Вещий... Он как, бывает в здешних краях?

Кима захихикал, а после сказал, что, мол, князь Олег Вещий и птицей летает в поднебесье, и волком рыщет в чаще, и рыбой-щукой кружит под водами, потому как он ведун и он везде. Да только с тех самых пор как князь взял мерян под руку да назначил посадника в Ростове, он здесь не объявлялся. Да и зачем? Дань от племени мерян ему исправно отвозят в Новгород, а за всем тут следит его человек — Путята. Отец же Кимы, воевода Нечай, у посадника не последний человек будет. Недаром мать Кимы, некогда первая красавица в ме-

¹ Голядь — древнее славянское племя.

² Гривна — нашейное украшение из золота или серебра, зачастую служившее знаком отличия или признаком чина; так же называлась и денежная единица в Древней Руси — серебряный слиток весом около фунта.

рянском племени Хромого Бобра, почла за честь родить от Нечая. И Кима уродился в него — тут парень даже указал на свой широкий, уточкой, нос, будто подтверждая сходство с родителем. И добавил с гордостью, что воевода Нечай признал Киму своим сыном, научил словенскому языку, а когда Кима приезжает в Ростов, всегда хорошо принимает его и сажает подле себя.

По своей природе этот мерянский парень был на диво болтлив: говорил и говорил, забыв, как еще недавно опасался встреченных им чужаков. Казалось, он готов был всю свою жизнь рассказать, и даже не заметил, что на его попутчиков будто нашло некое успокоение, когда те поняли, что Олега Вещего им не придется встретить в Ростове. Стрелок даже уточнил, часто ли люди Олега в Ростов наведываются? И остался доволен, узнав, что сам Кима никого из них тут не видел.

Через некоторое время Кима опять запел — обо всем, что было вокруг: о коряге у дороги, о сверкающем пушистом снеге на елях, о стуке дятла в морозном лесу. Молодой мерянин просто светился от удовольствия, когда красная девица стала подпевать ему: мол, и лоси хороши у возницы, и правит он лихо, и сам хорош да любезен. А там и Стрелок вдруг запел: дескать, мерянину все удается в пути, и то, что он не столько на дорогу, сколько на попугчицу глядит, — так для умелого и ловкого парня это безделица, он не собьется с пути, не завезут его лоси невесть куда. Кима хоть и был прост, но уловил намек в песне, смех его понемногу смолк, и задумался он, обижаться ли на Стрелка или смолчать. Но тот сам разрядил обстановку, когда достал из своего мешка завернутый в тряпицу кусок пирога и, разломив его, протянул половину Киме.

— Угощайся, хозяйка моя пекла. И хоть тесто уже остыло, но от мороза брусника в нем хуже не стала. А жену мою Светой зовут.

Последнее он сказал с такой гордостью и теплотой, что Кима понял: ценит Стрелок свою ладу, в обиду не даст,

да и никому другому не уступит. Мерянин стал жевать. Пирог и впрямь был что надо: мука хорошего помола, а брусника в тесте кисло-сладкая, душистая. И все трое только дружно рассмеялись, когда сани, подскочив на ухабе, разом подбросили их, а кадки с медом громыхнули, но не свалились — Стрелок заботливо поддержал.

Подкрепившись, Кима вновь принялся болтать:

— А меня все кличут Кимой Нечаевым сыном. Селище мое своим покровителем почитает Хромого Бобра. Старцы сказывали, что, когда прашуры выбирали место для поселения, этот хромой бобер и навел их на подходящий угол в лесу. Мать моя там и живет, а отец... ну так сказывал уже. Однако о себе я вам все поведал, а вы пока отмалчиваетесь. Вот и спрашиваю: каким ветром вас занесло в наши края? Хотя сам вижу, что издалека вы: и мешки у вас дорожные, и говорите вы не так, как словене в Ростове.

— Мы из племени вятичей¹, — ответила Света, но сперва, как показалось Киме, взглядом испросила разрешения у своего Стрелка.

Про себя Кима подумал, что он бы ни за что не стал таскать по лесам такую красу. Хотя... Что там говорить, мерянские девки и бабы тоже были лыжницами не последними. Однако конец зимы не самое хорошее время для путешествий, да и уехать от рода... Для одних это изгнание, для других — опасное приключение, на какое без согласия родного племени не всякий и решится. И Кима не удержался, чтобы не осведомиться:

— А что же заставило вас тронуться в путь до того, как Туня-юмо² не прислал еще теплых ветров для разгона зимней стужи?

Ответил Стрелок:

¹ Вятичи — славянское племя.

² Туня-юмо — божество ветров в финно-угорской мифологии.

— Раньше я служил под рукой князя вятичей Держислава. Однако ныне Держислав согласился платить откупную хазарам, и люди стали говорить, что Недоля к нему пришла, раз уступает жадным степнякам. А кто захочет остаться у невезучего правителя? Особенно тогда, когда слава Путяты Ростовского летит, как на крыльях птицы Гамаюн¹. Вот мы и надумали уйти от Недоли вятичей к Доле ростовской. Так я говорю, жена?

Света не ответила, только взглянула на Стрелка с такой улыбкой, что Кима подумал: «С этой красавицей, да еще и медовой, никакая Недоля не страшна. С ней любое дело сладится, любое горе отступит». И он снова и снова косился на сидевшую подле него молодку, стараясь только, чтобы ее муж не замечал этих взглядов.

Стрелок тоже не сводил с нее глаз, то и дело прижимался щекой к рыжему лисьему меху, укрывавшему плечико его лады, даже веки смежил, наслаждаясь мгновением. Она же стегнула мужа по носу кончиком косы, а потом нежно провела по его прикрытым глазам, по заросшей щетиной щеке, по крепкому подбородку. О Киме они словно позабыли, и он сам чувствовал себя смущенным, будто случайно оказался вовлеченным в некую тайну. Потому и отвернулся, стегнул лосей, прикрикнул, погоняя.

Стрелок первый окликнул его:

— Если хочешь еще о чем-то спросить — спрашивай. В разговоре и дорога короче покажется.

Говорил будто обычное, а лицо у самого еще благодное после ласки жены, синие глаза сияют. Кима подумал: «Бабам небось такой нравится». Ровный нос, волевое лицо с высокими скулами, и глаза такие... матерые глаза, хотя сам молодой еще. Такие глаза бывают у того, кто много чего пережил или много чего уразумел в жизни. Потому Кима и обращал-

¹ Гамаюн — птица счастья.

ся к Стрелку уважительно. Спросив, каким делом тот кормится и жену кормит, не удивился, когда услышал, что Стрелок, оказывается, воин — само имя его о том говорило, ну и еще выправка. Вон он полулежит на санях, а все же в теле чувствуется какое-то звериное проворство, удаль молодецкая. Такому что расслабиться, что собраться — один миг.

Кима опять стал рассказывать о Ростове:

— Ростов-то, он растет год от года. Множество людей в него прибывать стало, когда Путята там порядок навел. Служить ему даже варяги считают достойным.

— Откуда же им тут взяться, варягам-то? — приподнялся на локте Стрелок. Взгляд стал цепким, внимательным.

Тут уж Кима запел соловьем: не в глуши, чай, живем, по Итиль-реке¹ варяжские ладьи нередко ходят.

— А-а... — протянул Стрелок как будто разочарованно. — А мы вот слышали, что Ростов так далеко от общих торговых путей стоит, что только бобры дикие там и водятся, а от остальной Руси туда мало кто и добирается.

Киму больше всего задело, что пришлый о бобрах непочтительно отозвался. Ну и стал пояснять, что у мерян бобер — зверь священный: он и мудр, и плодовит, и мастеровит; бобры умеют рубить деревья, запружать реки, строить дома, как люди, даже говорить между собой умеют лучше всех других зверей, так как работают вместе, ватагой. Да и богат бобер — мех его ценится у варягов не меньше соболя или куницы. Парень даже достал из-за пазухи искусно сделанную фигурку бобра на тесемке — оберег. Но его попутчиков восхваление бобра не больно-то и тронуло, и они вновь принялись расспрашивать, какие связи у мерян с другими землями Руси.

Далась им эта Русь! Кима-то и слова такого не знал, а их, похоже, это только порадовало. А потом они уже внимательнее слушали мерянина, который с гордостью поведал им про

¹ Итиль — старое название реки Волга.